

Василий Трофимович Нарезный

Турецкий суд
(Новые повести)

В. Т. Нарезный
ТУРЕЦКИЙ СУД{1}

Площадь в Каире. У правой стороны главная мечеть.

При входе стоят муфтий{2} и великое множество имамов{3} и сантонов[1], поодаль толпы народа разных званий и исповеданий, что приметно по их одежде.

Имамы стоят смиренно, потупя взоры; народ волнуется, а сантоны делают наподобие беснующихся необычайные прыжки и размаши руками, показывая вид яростный.

Муфтий. От имени всего сословия освященных имамов благодарю вас, вдохновенные сантоны, за принятие стороны правой. Ваши грозные телодвижения и сверхъестественные скачки явно открывают всем определение неба, что нечестивые также проворно соскочат в пучину гееннскую, православие возвратится на землю египетскую, и сословие наше поднимет паки поникшую главу свою. Великий пророк с высоты небесной, от среды рая, покоясь на ложах всегда девственных гурий{4}[2], обратит к нам милостивое око свое. Дерзайте, ибо, рабы божии! скоро настанет минута, в которую вы окажете народно святуя ревность свою! Да постыдятся — паче

Абуталеба, все, неверующие святости мужей, которые толико ревностны в исполнении своих обетов, что без всякого смущения всенародно производят такие дела, на какие не всякий дерзнет и наедине.

Глава сантонов. Кто мог когда-либо сомневаться в святости сантонов, посредством которой, быв еще на земле телом, духом возносятся они на небеса и провидят судьбы чело­веков. О святые сантоны! о любезные друзья и братья! в знак нашего восторга пропляшем теперь пляску кровавую!

Все сантоны. Пляску кровавую, пляску смертную!

(Они становятся в кружок, вынимают ножи и начинают неистовую пляску, нанося один другому и самим себе легкие раны, воют дикими голосами под звук бубнов.)

Грек *(тихо к Марониту)*. Чему бы так обрадовались эти сумасшедшие?

Маронит. Не знаю, а думаю, что не перед добром. Спросить было у того турки; подойдем к нему, он должен знать. — «Почтенный мусульманин! открой, пожалуй, что значат эти священные скачки сантонов?»

Турка (*важно, не глядя на них,*). Не больше, как что один из здешних знатных особ пошлет скоро в дар великому султану неверную свою голову.

Грек (*струся*). Вот тебе и на! (*Отходит.*) Я один из важнейших здесь купцов, однако большого греха за собою не знаю. (*Тихо к Марониту.*) Правда, есть у меня заповедный товарец, посредством которого довольно число турецких, персидских, греческих, армянских и даже эфиопских красавиц поновил я так — понимаешь? — но за это, думаю, не только они, но ни отцы их, ни матери не станут жаловаться.

Маронит (*весьма тихо*). И я не без греха, но его никто не знает, а это, по-моему, то же, что ничего. — Несколько времени назад проклятый кадий{5} нашего города[3] вымучил у меня сто червонцев за то, что показалось ему, будто я очень умильно смотрел на молодую турчанку, шедшую из бани. Как он недалекий мой сосед, то я знал, что он каждую ночь тайно посещает прекрасную жидовку, благодаря ее за ласковые приемы различными потворствами, различным бездельствам отца ее и

всего семейства, и на сем сведении основал план моего мщения. В одну ночь с удалым приятелем засел я в тесном переулке, и, когда показался кадий, мы на него напали, ограбили по-африкански, то есть кругом, и, прибыв в безопасное место, нашли, что добыча наша состоит из 200 червонных, кроме хорошего кинжала и порядочного перстня. Однако я не беспокоюсь, ибо, если бы на меня взято было подозрение, то и костей моих до сих пор собрать бы нельзя было.

Жид (*стоявший позади, его подслушивает*). Ого, приятель! добрые дела творить изволишь! посмотрим, как-то наградит тебя кадий за такую примерную храбрость.

Маронит (*сильно испугавшись*). Любезный друг!

Жид. Какой вздор! этим пустословием потчуй ты своих братьев христиан, а мы любим что-нибудь поделнее, полновеснее.

Грек. Да что такое? Я так задумался, что право не слышал ни одного слова. Прошу иметь меня в стороне.

Жид. До тебя и дела нет! — Ну что же, храбрый муж?

Маронит. Изволь, изволь! в чем же твоя совесть полагает дело?

Жид. И очень докажу, что я совестлив! Три дня тому назад здешний паша Ассан осудил на виселицу — да взыщет на нем господь бог за сие беззаконие — молодого жида, который имел смелость и удачу обидеть какую-то турчанку.

Экая важность! долго водили по улицам бедного узника и каждому обывателю грозили повесить его над окном. Не желая видеть такого горестного позорища, каждый платил приставу деньги по состоянию и тем отделывался. Наконец подошли к окнам моего дома и требовали пять червонцев, говоря: ты-де богат. Безбожники! Возможно ли было мне слышать равнодушно такую несносную речь? С негодованием отошел я ст приставу, и тотчас осужденник был повешен над окном той комнаты, в которой я совершаю молитвы, и висит уже третий день. Это было предуведомление, а теперь пойдет самое дело. Ты получил от кадия двести червонцев, — так разделим их честно, и я на счет половины, во-первых, избавлюсь висельника, а во-вторых...

Маронит. Но я уже поделился с товарищем своим в рыцарстве.

Жид. Плохо же ты сделал, нерасчетливо! — Но так уж и быть; поделимся хотя твоею долей; я очень соvestлив!

Маронит. Согласен! Пойдем к стороне и рассчитаемся, а лучше всего к тебе в дом. Я лишился ста червонных за умильный взгляд на пригожую турчанку; пусть же теперь за пятьдесят полюбуюсь, глядя на жида-висельника. (Про себя.) Черт бы вас побрал, бездельников! Но постой! Уж подстерегу тебя! Кто не побоялся сразиться с кадием, тот перед жидом ли струсит?

(С обеих сторон площади слышна музыка на бубнах и гобоях. Все умолкают; сантоны, остановив пляску, от бессилия падают на землю. С правой стороны, в сопровождении многочисленной свиты, появляется Ассан, паша Египта; с левой с такою же свитой Ибрагим-паша, присланный от султана, из Стамбула. Они медленно подходят один к другому; музыка умолкает.)

Ибрагим. Желая здоровья и долгоденствия Ассану, светлейшему паше Египта, Сирии и

Палестины!

Ассан (*подав ему руку*). Того же желаю твоему великолепию! Почто не удостоил принять предложение мое и прямо приехать в мои палаты. Посол и зять великого повелителя правоверных всегда бы принят был как друг старинный.

Ибрагим. Я имею на сей предмет особенное повеление от его султанского величества. Когда найду тебя невинным, то вступлю во дворец твой как дружелюбный гость, в противном случае как преемник власти твоей.

Ассан (*в удивлении*). Меня невинным? Разве я обвинен пред моим повелителем?

Ибрагим. Не обвинен, но обвиняем во многочисленных преступлениях и, совещусь сказать, — в беззакониях!

Ассан. Клянусь всевышним и великим его пророком, что в совести своей не чувствую не только угрызения, но даже и беспокойства.

Ибрагим. От всего сердца желаю, чтоб то было справедливо! Прости, Ассан, что я делаюсь теперь твоим судиею.

Не думай, что я забыл время, когда под твоими знаменами сражался в Персии. Ты был

тогда моим повелителем.

Ассан. Всякий обязан исполнять свою должность, повинуюся установленной власти. Исследуй дела мои, Ибрагим, и отошли в Стамбул пред трон или мое оправдание, или — мою голову.

Ибрагим. Да будет так! (Протягивает руку к близ стоящему чиновнику, который вручает ему парчовый пакет. Ибрагим раскрывает, вынимает бумагу, кладет на голову, потом целует с благоговением и громко произносит.) Катешериф его величества! (Все, сложа на груди руки, низко наклоняются; Ибрагим читает.) «Мы, султан Амурат, великий обладатель Востока, Запада и Юга, брат солнца и дядя луны, нашему паше Ибрагиму здравия. — Несносны, наконец, стали для нас жалобы обитателей Египта, в особенности же Великого Каира на Ассана-пашу, постановленного нами властелином над областью тою, вместе с Сириею и Палестиною. Сердце наше убеждается сострадать их стенаниям; рассудок хочет познать истину, ибо я человек и султан. Ибрагим-паша! отправься немедленно в Каир, собери на главной площади народ и духовен-

ство совокупно; тщательно испытай деяния Ассама пред лицом неба и народа. Если он окажется виновен в нарушении повелений нашего величества, поколебав общее спокойствие, да разрешится вина его пред великим пророком и нами, наместником его на земле, — потеряннем преступной главы своей.

Если же он признан будет невинным, да понесут казнь обвинители его, дерзнувшие — по безумию своему — оскорблять слух нашего величества жалобами несправедливыми.

Тебе, Ибрагим-паша, отдаю и меч гнева моего и щит пощады. Вручи и то и другое по заслугам».

(По прочтении катешерифа он с обрядами, какие делал пред чтением, возвращает преждему чиновнику. Ассан спокойно осматривает всех, наполняющих площадь.)

Ибрагим (величественно). Да исполнится воля великого пророка и его державного наместника на земле. — Приблизьтесь сюда, главные из обвиняющих, — ты, муфтий Каира, ты, глава сантонов, и ты, санджак Али, представитель воинства и народа. Начните по-ряду ваши жалобы, не забывая, что слова

ваши слышны будут великому пророку и Ибрагиму-паше, в руке коего и масличная ветвь и грозный меч. Муфтий! ты начнешь первый, произнеся клятву в справедливости слов твоих.

Муфтий. Если хотя одно слово, которое произнесу я пред лицом твоего великолепия, будет ложно, да обратятся на главу мою все бедствия мира сего; да отпадет седая брада моя от подбородка, и длинные усы поднимутся вверх как у рыси; да померкнет зрение мое и не узрит более храма Меккского; да онемееет язык мой и не произнесет никогда святого имени Аллы; да оглушится слух мой и не услышит более ни одного слова из Алькорана {6}; а что всего злее, да сойду я в могилу и предстану пред Магомета с неостриженными ногтями? Да...

Ибрагим. Довольно! приступим к делу.

Муфтий. Говорю, сказываю, утверждаю, что Ассан-паша есть великий еретик и безбожник, есть джиаур[4] заклятый.

Ассан. О Алла!

Ибрагим. Почему?

Муфтий. В пятигодичное его египетскою

областью правление он не дал ни одного цехина{7} на украшение этой мечети, в коей я состою первосвященником; ни одного апро-са — на содержание кротких имамов.

Ибрагим (к *Ассану*). Правда?

Ассан. Совершенная истина! Но я видел, как и все вы видеть можете, что здешняя главная мечеть от щедрот величества и по-сильного приношения правоверных граждан великолепием своим едва ли уступает храму Меккскому.

Что же касается до имамов, то они по состоянию своему несравненно богаче меня. Как имамы, они всегда имеют даже излишнее, между тем как я, Ассан, паша Египта, Си-рин и Палестины, нередко нуждаюсь по сану своему в необходимом.

Ибрагим (к *стоящему позади его*). Писец! запиши слова того и другого; а ты, Ассан, ответствуй муфтию.

Муфтий. Я докажу свидетелями, что ты иногда с друзьями своими пьешь проклятый напиток, вином называемый.

Ассан. Для поправления своего здоровья, часто изнемогающего под бременем трудов и

забот; между тем, святой муфтий, ты, совсем никаких не зная, весьма часто имеешь нужду в нескольких имамах для воспрепятствования тебе свалиться с лошака своего. Толико-то сей проклятой напиток строптив против тебя!

Муфтий и имамы. Злоязычие! клевета!

Ибрагим. Тише!

Муфтий. Ты умышленный противник великого пророка!

Не ясно ли повелевает он, — что все, не исключая и меня, исполняют беспрекословно, — чтобы всякий из правоверных имел четырех жен? А ты всегда имел одну, и не прежде женивался на другой, как по смерти первой или по выдаче ее в замужество за кого-либо из приближеннейших твоих услужников.

Ассан. Жалею, что я великому муфтию Каира должен объяснять смысл закона пророкова! Не он ли сказал ясно:

«Правоверные! всякий из вас да имеет четырех жен, если пристойно содержать их может!» А как я на свое состояние не надеялся, то всегда доволен был одною.

Муфтий. Что мы слышим? О верх лицемерия! кто только поверит, чтобы паша Египта, богатейший и могущественнейший всех пашей высокой порты Оттоманской, не в состоянии был содержать более одной жены, когда он содержит огромный придворный штат и целую армию?

Ассан. Ты, муфтий, все еще меня не понимаешь. Содержать двор и армию благопристойно совсем другое, чем содержать благопристойно жену. Впрочем, это ни до кого не относится. Святой пророк позволяет иметь четырех жен, а не принуждает к тому. Короче: я хочу иметь одну, и — этого довольно.

Муфтий. Вот что значит путешествовать по землям христианским; вот что значит питаться учением проклятых джиауров!

Ибрагим. Муфтий! не имеешь ли ты сказать что-нибудь поделнее?

Муфтий. О Алла! Муфтий — первенствующий в целом Египте — говорит не дельное? Ибрагим! неужели и ты...

Ибрагим. Все ли ты кончил?

Муфтий. Нет! самое важное злодейство открываю теперь пред всеми и уверен, что вы

затрепещете. Внемлите и ужасайтесь! — Около полугода назад посетил меня сын друга моего, одного из набабов[5] индейских. Он путешествовал не под своим именем, и потому имел при себе двух слугителей и молодую любовницу в мужеском платье. Правда, юная индианка была прелестна, но мне какая до того нужда? однако ж, слушая внушения сердечного, я восхотел поклонницу идолов приобщить к сонму православных. На сей конец я нашел случай начать с нею о том беседу, но едва хотел распространиться в таинственных переговорах, как она подняла ужасный вопль. Молодой набаб мгновенно явился и был столь строптив, что грозил заколоть меня, если тотчас не отпущу его с Наиною и слугителями. Я склонился; он взял свою язычницу за руку и вышел из комнаты, а там и со двора; слугители с пожитками за ними последовали. Ревность моя к распространению веры пророка от того не охладела. Как скоро узнал я место их пребывания, то набаб и оба его слугителя умерли достойною смертью в гостинице под знаком Золотых ушей, в чем вспомоществовал мне содержатель гостини-

цы, смиренномуудрый Гадир.

Узнав о сем происшествии, я поспешил достигнуть его жилища и приказал служителям своим полумертвую индианку отнестъ в сарай мой, а трупы нечестивых язычников повергнуть в Нил на съедение крокодилам или кто захочет ими полакомиться, ибо пророк именно сказал: «Правоверные! не щадите ни живых, ни мертвых идолопоклонников!» — Когда Наина, после приложенных трудов, время от времени более и более успокаивалась, я с своей стороны более и более распалялся желанием сделать ее правоверною.

Сначала она была очень неговорчива, но после сделалась смиреннее и склоннее принять Магометово исповедание, а потому получила более и свободы. В один достопамятный вечер, когда я, стоя на коленях пред священным налом, читал молитвы и размышлял о божественности Алькорана, один из слуг моих повестил, что Ассан-паша имеет крайнюю надобность со мною видеться, почему и прислал нарочного чауша с несколькими мамелюками для моего препровождения. Я склонился на приглашение паши и прибыл во

дворец его. Когда он ввел меня в потаенный свой покой, где столь часто рассуждали мы об аде и рае, о небе и земле, и где я доказывал ему неоспоримыми доводами о возможности всей тверди, землю называемой, стоять неподвижно на спине, соразмерной ростом лягушки, вдруг введены были Нанда и Гадир. Я взирал на пашу, как взирают на пашей все муфтии целого мира, го есть со смирением и величием, приличным их высокому сану. Ассан прервал молчание сими словами, изъясляющими его кощунство: «Скажи, муфтий, чистосердечно, как прилично толкователю Алькорана, по какому обстоятельству знакомы тебе эти люди?» — «Одна гостила в моем доме, отвечал я, — а другой...» — «Хорошо, — прервал Ассан со злобою, довольно; дело очень ясно!» — Он дал знак, и все удалились. «Муфтий! — сказал Ассан с большею злобою и свирепством, — прилично ли человеку твоего сана и твоих лет употреблять насилия и убийства? Ты оскверняешь святость нашего закона и злодейством своим привлекаешь других повергнуться в бездну злополучия!» — Я воспылал гневом, от коего в подобном случае и

сам пророк наш не мог бы воздержаться, и отвечал ему с достоинством моего сана: «Ассан-паша! не забывай, с кем говоришь ты! Я то же в духовенстве, что ты в гражданстве. Ты заставляешь исполнять законы султана, а я законы Магомета. Так! говорю тебе, и отнюдь не сочти сего признанием, ибо я, муфтий, говорю тебе, что единая ревность к вере была причиною, что исчезли на земле три нечестивых идолопоклонника. Да и сам великий пророк не предавал ли их огню и мечу целыми тысячами? Дела его достойны подражания. Пока живы были бы те три проклятые язычника, я не мог бы надеяться довести Наину до своего благочестивого предприятия!» — Ассан, помолчав несколько, захлопал в ладоши, и — о ужас! один из его телохранителей предстал с блюдом, на коем лежала голова Гадира, только что отрубленная. Веки еще двигались, судороги сжимали щеки, и пар вился вверх от горячей крови. Я содрогнулся; по бесчеловечный паша, с совершенным спокойствием указав на голову пальцем, спросил: «Узнал ли старого знакомца?» — «Да будут прокляты убийцы несчастного Гадира», — от-

вечал я с праведным гневом.

«Муфтий! — сказал Ассан, — клянусь тебе вездесущим и праведным богом, если ты хотя мало воспротивишься моим повелениям, с тобою так же поступлено будет». — Я окаменел; но зная нрав бесчеловечного сего чудовища, отвечал:

«Чего ты от меня требуешь?» — «Дай мне свой перстень на несколько времени и сиди спокойно». — Когда я исполнил насильственное его желание, он перстнем запечатал какую-то бумагу и, позвав чауша, пошептал ему нечто на ухо и, отдав письмо и мой перстень, отпустил; а потом велел подать себе трубку, расселся на диване, и сколько я ни увещевал его оставить свой замысел, ибо я ничего доброго не предчувствовал, но он молчал, не отвечая мне ни слова. Я почел бы его за истукана, если б не видел, что он страшно поводит глазами и время от времени прихлебывает кофе. С час прошло времени, как мой казнохранитель появился с письмом и моим перстнем. Немало подивился я сему явлению, а еще более, когда услышал от него следующую речь:

«Государь! по письму твоему все исполнено в надлежащей исправности!» «Что такое?» — «Пятьдесят тысяч цехинов из кладовой твоей перенесены в гостиницу Золотых ушей и сто мамелюков с чаушами стали на страже». — Кто опишет мое поражение? Пятьдесят тысяч цехинов! о Магомет! Ты знаешь, был ли у меня хоть один обрезанный? Тут уже не страшны были для меня никакие угрозы Асановы.

«Злодей! — вскричал я, — зачем похитил ты мое сокровище?» — «Сей час узнаешь», — отвечал он, и — по данному знаку — предстала проклятая язычница. — «Наина! — сказал он, — добродушный муфтий наш, помня дружбу старого набаба и видя беспомощность твоего состояния, дарит тебе пятьдесят тысяч цехинов, которые уже и хранятся в покое твоём в гостинице, под охранением моих мамелюков. Туда теперь рабы мои проводят, завтра можешь отправиться с свое отечество, и мамелюки имеют приказание сопровождать тебя до самых пределов твоей родины». — Вместо ответа лицемерная язычница бросилась к ногам сего изувера и, обнимая колена,

сказала со слезами: «Ассан! по смерти моего любезного у меня нет уже ни родины, ни даже отечества. Будь отцом моим, великодушный повелитель, прими меня под кров свой!» — «Встань, дочь моя, — сказал коварный льстец, — и позволь на челе своем напечатлеть поцелуй родительский! Ты будешь жить в одних покоях с дочерьми моими, а цехины, подаренные великодушным муфтием, будут твоим приданым, и как скоро найду я тебе супруга достойного, то присоединю к ним столько ж от казны моей». — Ее увели и удалились. — Слова Ассановы и его поступки терзали мое сердце, а терзаемое сердце муфтия, по закону как великого, так и всех двухсот тысяч меньших[6], не знает пределов бешенства и мщения. Помолчав несколько, он сказал: «Муфтий! положим, что пятьдесят тысяч твоих цехинов достаточны облегчить горесть рыдающей Наины; но кровь сына Набובה и его спутников осталась не заплаченою, правосудие не вполне удовлетворено. Согласись на все добровольно, чего еще от тебя потребую; впрочем — всякое сопротивление тщетно. Притом знай, что только я и

несколько немых невольников будем свидетелями не важного происшествия». Он опять захлопал в ладоши, — чтоб на ту пору руки его окаменели, — и человек с пятнадцать невольников явились, и — с фалакою[7]. «Алла! Алла! — вскричал я, — что это значит?» — «Муфтий! — отвечал паша, если б ты был простой имам, то я велел бы среди большой народной площади посадить тебя на кол; но как сан твой требует снисхождения, то...» — он дал знак, и вмиг наскочили на меня человек с десять; разом сбили с ног и начали их вправлять в фалаку. Меж тем как они трудились над сим богомерзким делом, Ассан с важностию ангела бездны говорил: «Что делать, почтенный муфтий, и обращаться к правоверию надобно умеючи. Терпение есть святая добродетель. Я смягчаю мое правосудие. Следовало бы за трех, тобою умерщвленных, забить тебя до смерти, по по твоим летам, думаю, достаточно будет и ста пятидесяти ударов, чтоб всегда помнить этот случай. Начинайте, во имя великого Аллы!» (На лице Ибрагима видна легкая усмешка.) «Не издевайся, светлейший паша, над моим мучением; оно было

чрезмерно. Ты, потомок и всегдашний родственник великих визирей, а теперь и самого державного повелителя, никогда, может быть, не чувствовал ни одного удара по подошвам воловьёю жилою. Представь же шестидесятилетнего старца, наподобие змеи извивающегося в объятиях мучителей. Я вопиал не тише, как праведный Авель{8} под ударами злобного Каина; а свирепый Ассан читал молитву из Алькорана и по четкам считал удары. Когда мера исполнилась, меня освободили, и Ассан имел жестокость около получаса читать мне наставления и утешаться моими стонами. На его носилках отнесли меня домой, где я ровно две недели и два дня пролежал в постеле, не могши ступить на ноги. В сем-то горестном положении отправил я жалобу к великому султану и твердо уверен, что он, яко государь благочестивый и правосудный, что особенно доказывается тем, что он избрал посредником Ибрагима, мужа...

Ибрагим. Вижу, что ты уже кончил. — Санджак Али! о чем ты от имени народа и воинства приносил жалобу султану? Клянись в истине доноса и говори.

Али. Я человек военный и клясться во лжи ни за что не стану, по не могу и говорить так красноречиво, как праведный муфтий. Итак, скажу просто: клянусь и своею и пророковою бородами, что я — ничего не знаю!

Ибрагим. Как так? Кто же подписывал жалобу?

Али. — Я — без сомнения! Но согласись, светлейший паша, что большая разница сражаться джеритами[8] на гипподроме[9] или копьем между неприятелями. Дело иное подписать бумагу, а иное — знать, в чем состоит она. Я прожил на свете лет с пятьдесят, был на пятидесяти сражениях и сшибках; не одна голова без чалмы, колпака и шапки валялась по земле от меча моего; но ни один лоскуток бумаги не пожалуется в обиде, ибо я никогда и ничего не писал, да и писать — согласно с мнением всех санджаков в свете — считаю не делом воина.

Ибрагим. Что же я донесу султану?

Али. Что изволишь. Скажи его величеству, что если для чести имени его нужно сразиться с целым арабским отрядом, санджак Али готов; но прочесть хотя одну строчку, а тем

более написать, — да сохранит меня Алла и в сей жизни и в будущей!

Ибрагим. Итак, ты ничего не знаешь о подписанной тобою бумаге в обвинении паши Ассана?

Али. Хоть сей час сюда фалаку, ничего не знаю. Меня просили подписать ее: вот этот маронит, этот грек, этот армянин и этот жид. Каждый из них дал мне за труд по сту цехинов, и — я подписал. Для меня подписать свое имя тяжелее, чем с двадцати арабов или эфиоплян снять головы.

Ибрагим. Вы что скажете, дерзкие клеветники?

Маронит. Меня соблазнил грек.

Грек. Меня армянин.

Армянин. Меня жид.

Ибрагим. А тебя кто?

Жид. Вельзевул[10].

Ибрагим. Порядок! у последнего нечего уже и спрашивать. Ассан-паша! что скажешь ты на обвинение муфтпево, ибо другие отступаются от своих доносов?

Ассан. Что я очень сожалею, для чего не взял у него для неутешной Наины ста тысяч

цехи нов и не велел дать ему пятисот ударов по подошвам.

Муфтий. О мучитель! о беззаконии к! Муфтия забить палками до смерти!

Ибрагим. Теперь мне остается спросить у тебя, глава священных сантонов. Приблизься сюда, произнеси клятву в истине слов твоих и говори.

Глава сантонов (*прыгая и коверкаясь, к нему приближается*). Ибрагим-паша! коль скоро надобно сказать правду, то и я скажу, что ты весьма неразумен, или попросту: очень глуп! — Тебе дана власть удавить Ассана-пашу, муфтия, санджака Али, и — буде изволишь — то и меня. Разделивши пожитки всех на три части, ты послал бы одну своему тестю султану, другую визирю, а третью взял себе. Вместо того ты здесь болтаешь и слушаешь бредни.

Ибрагим. Давно ли ты сошел с ума?

Глава сантонов. Как скоро начал познавать людей! Самый глупейший из них — есть самый счастливейший.

Впрочем, я жаловался султану на Ассана-пашу по просьбе муфтия, да и Ассан-паша

надоел мне. Нет ни одного дня, в который бы не доходили до меня жалобы от подвластных мне сантонов. Одному приказал он выбрить полбороды за самый отважный скачок, в присутствии его сделанный; другому навесил на руки гири, дабы нельзя было кому-либо из мимо идущих дать доброго толчка, по праву всех сантонов на свете. Несмотря на такие со стороны Ассана озлобления, я не могу не любить его, ибо и он, между нами сказано, есть потаенный сантон. Хотя, правда, сам он не пляшет и не кривляется, зато охотно смотрит, как другие и пляшут и кривляются. У него во дворце целая стая французских сантонов и сантонок.

Они, раза два или три в неделе, представляют такие зрелища, что и самому опытному сантону не удалось бы и вполовину произвести такого чуда. Всего более в этих неверных нравится мне то, что они, даже и женщины, стыдливость и благочиние считают за ужасный норок, от которого сколько возможно надобно воздерживаться.

Ибрагим *(по довольном молчании)*. Сообщая все виденное и слышанное, надеюсь

произнести суд правдивый. Всезрящий Алла! Да обрушится гром твой на темя мое, если какое-либо пристрастие поколеблет сердце мое!

Всяк, дерзающий восставать на безопасность гражданства и нарушать покой верховной власти, — повинен смерти.

(Дает знак; чиновник подносит к нему драгоценный ящик и раскрывает.) Ассан-паша! В сем ковчеге две драгоценности, из которых одну должен я, по воле всепресветлейшего моего государя, вручить тебе, а другую твоему обвинителю. Итак, Ассан, прими из рук моих эту драгоценную цепь, доказывающую, что власть твоя над Египтом продолжается, и да продлится, доколе угодно небу и султану. *(Надевает на него цепь и обнимает.)* Муфтий! этот бархатный пакет заключает в себе и для твоей шеи достойное украшение — шелковую веревку. Воспользуйся с достодолжным благоговением этим даром и через час пришли ко мне свою голову для отсылки к его султанову величеству.

Муфтий. Алла! Алла! До чего я дожил! Ибрагим! Припомни, что и ты паша, следственно также весьма недалек от веревки, хотя и

обладаешь красами дщери султановой.

Пощади старость мою и дай мирному ангелу смерти смежить вежды мои.

Ассан. Ибрагим! Я охотно забываю его клеветы и оскорбления! Повели жить ему и оплакивать прежнее кичение. И муфтии такие люди, хотя и отменного состава, а потому могут раскаиваться в грехах, хотя и поздно.

Ибрагим. Я согласен, благородный мусульманин! — Внемлите все мое решение; оно есть слова великого повелителя правоверных: муфтия Каира за оскорбление величества ложным доносом и за склонение многих граждан к возмущению против законной власти, лишая сего высокого достоинства, обращаю в имамы и повелеваю два года и два дня не выходить из своих покоев и к себе никого не допускать, в противном случае — веревка!

Муфтий. О Магомет! Сколько доходу лишюсь я! О Ибрагим! ты великий знаток в кознях!

Ибрагим. Санджаку Али не носить сабли целой год и не прежде надеть ее, как представить паше целый лист бумаги, исписанный его рукою.

Али (с тяжким ездоком). Это значит, что мне до смерти не ходить при сабле! Поделом! с имамами не связывайся! о горе!

Ибрагим. Этим почтенным господам: марониту, греку и армянину за обман, сделанный санджаку Али, дать по сту ударов по подошвам, а честному еврею двести.

Жид. Клянусь, что я менее других виновен. От человеческих злых советов хотя и не легко, но все-таки кое-как остережся можно, но от сатанинских...

Ибрагим. Не заводи знакомства с сатаною.

Маронит. Буде можно, светлейший паша, сделать перемену, то не соблаговолишь ли — вместо давать — произнести: взять.

Ибрагим. Говори яснее!

Маронит. Не полезнее ли будет для кошелька твоего, чем давать мне сто ударов, взять с меня сто цехинов.

Грек. И с меня!

Армянин. И с меня!

Ибрагим (к жиду). А ты?

Жид (подумав). Вели подать фалаку!

Ибрагим. По сему исполните! Но что с тобою, глава сантонов? — Тебя с братиею пове-

леваю отправить в степи пустой Аравии. Там можете вы пред змеями и скорпионами делать прыжки, какие рассудите! — Ассан! пойдём теперь в твои чертоги. Отныне я твой гость и друг душевный.

Примечания

1

Сантоны в турецких областях, особливо азиатских и африканских, есть род святочитимых угодников, которые, в знак своего мироотвержения, одеты в гнусные одежды, другие полунаги, а иные совсем нагие, всенародно производят бесчинства самые позорные.

[^^^]

Смотри: Систему магометанской религии,
соч. кн. Кантемира. *(Примечания Нарезного.)*

[^^^]

3

Город Каир разделяется на три города, подобно как Москва на пять, Киев на два и проч. (*Примеч. Нарезного.*)

[^^^]

4

Неверный — ругательное слово. (*Примеч. Нарезного.*)

[^^^]

5

Этим именем называются мелкие владельцы индейские, подобные бывшим нашим удельным князьям. (*Примеч. Нарезного.*)

[^^^]

6

Мусульмане столько насчитывают. *(Примеч.
Нарежного.)*

[^^^]

Фалака — есть деревянное орудие, в которое вправляют ноги преступника для наказаний его по подошвам или палками, или воловьими жилами. (*Примеч. Нарезного.*)

[^^^]

Джерит — круглая, в полтора аршина длины, палка, служащая для воинов вместо металлического копья во время их учения.

[^^^]

9

Место в Константинополе, где происходит учение.

[^^^]

Один из начальников бесовских, подвластных сатане. Они имеют свои уделы, каждый по чину. *(Примечания Надежного.)*

[^^^]

Комментарии

Повесть «Турецкий суд» относится к так называемым «восточным повестям», где под условным «восточным» колоритом скрывается едкая сатира на беззаконие и корыстолюбие духовенства. Нарезный не стремился здесь изобразить обычаи и нравы Востока. Сатирическое начало сочетается в ней с нравственно-дидактическим, показать добродетельность и неподкупность «турецкого» правосудия. В повести отчетливо сказались просветительские взгляды Нарезного.

[^^^]

2

Муфтий — духовное лицо, объясняющее правила религиозного закона мусульман.

[^^^]

Имам (букв.: вождь) — так назывался религиозный иерарх и владетельный князь у шиитов — одной из религиозных мусульманских сект.

[^^^]

4

Гурии — согласно Корану, священной книге мусульман, вечнодевственные существа, обитающие в эдеме (раю).

[^^^]

5

Кадий (казий) — судья, разбирающий дела по мусульманскому религиозному закону.

[^^^]

Алькоран — Аль-Коран (букв.: книга, чтение) — собрание высказываний Мухаммеда (Магомета) ибн Абдаллаха (570–632), политического деятеля и проповедника, основателя ислама. Коран записан сподвижниками Мухаммеда ибн Абдаллаха после его смерти. Почитается священной книгой у мусульман.

[^^^]

Цехин (дукат) — старинная золотая монета, чеканка которой началась в Венеции в 1284 г.

[^^^]

8

Авель — второй сын Адама и Евы, убитый из зависти своим старшим братом Каином.

[^^^]